

УВЛЕЧЁННОСТЬ | Уже в третьем классе Талгат Гайнутдинов читал наизусть всего «Евгения Онегина»

Незыблем памятник нерукотворный

МАКСИМ ЮЛИН

Талгат Гайнутдинов говорит, что он прочувствовал Пушкина так, как мало кто из ныне живущих. Вроде бы уже это выдаёт некую ма-ниакальность в любви пенсионера к солнцу русской поэзии. Но оказавшись в его квартире, невольно подумал, что ошибся адресом.

Талгат Шарифович не просто почитает, но и полноценно исследует творчество Александра Сергеевича. Легко цитируя великого поэта, он может удивить собеседника, удачно вставив в разговор, что 21197 новых слов в русской речи появились благодаря Пушкину, что поэт прожил 13764 дня, что 300 рублей – его капитал к моменту последней дуэли, а 60 тысяч рублей – долг всего после четырёх месяцев женитьбы. Однако квартира Гайнутдинова имеет скромное убранство и ничем не выдаёт невероятной привязанности хозяина к жизни и творчеству гения. На рабочем столе и на стеллажах много книг, но среди них нет пушкинских томов, нет и репродукций с портретов Пушкина. Полки не ломятся от кудрявых бюстов. А на вопрос, как началось это увлечение, Талгат Шарифович начинает рассказывать о своей жизни. Кажется, что пенсионер хочет просто выговориться, но с первых же слов понимаешь, что этой страсти столько лет, сколько и самому Гайнутдинову. То есть, началось всё в тридцатых годах XX века.

Талгат Гайнутдинов родился в спецпосёлке на Магнитострое, куда была определена на жительство его раскулаченная семья. Новую «прописку» получили они в многонациональном бараке с

татарами, башкирами, каза-хами, мордвой, чувашами и единственным эстонцем по фамилии Хин.

Однажды старший брат взял Талгата в школу, где проходил памятный вечер к столетию со дня гибели Пушкина. Первое знакомство с Александром Сергеевичем оказалось страшным. Двухлетний мальчик увидел мертвенно-бледное лицо и чёрные-чёрные волосы – маску из папье-маше... «А знаете, что Пушкин не был брюнетом? Белё-сый, с оттенком пепельного!» – не удержавшись, вставляет Талгат Шарифович, не теряя нить повествования. Испуг, собственно, и пробудил в мальчугане любопытство: уже в третьем классе он мог прочесть наизусть всего «Евгения Онеги-на».

– Как-то раз учительница предложила рассказывать сти-хи Пушкина, кто какие знает, – улыбается Талгат Шарифович. – Все твердили одно и то же: «Мороз и солнце; день чудес-ный!» А подошёл мой черёд, выдал с чувством, толком, расстановкой: «Простишь ли мне ревнивые мечты? Моей любви безумное волненье? Ты мне вер-на: зачем же любишь ты всегда пугать моё воображение?» Учи-тельница, как услы-шала, так схвати-лась за голову и оборвала меня криком! Хотя сейчас Александра Сергеевича изучают не лучше. Вот, напри-мер, моему внуку в шестом классе

задают «Утопленника» и «До-рожные жалобы». Но ведь это тяжёлые стихи! Чтобы учить и, тем более, изучать их, нужно очень хорошо знать Пушкина. Иначе произведение не будет понято правильно.

Помолчав, пушкинист увёл разговор в другое русло: ему довелось поработать подпас-ком недалеко от площадки, где сажались самолёты. Талгат смотрел, как они доставля-ли из Челябинска газетные гранки «Комсо-молки», «Труда», «Известий», с ко-торых в Магнитке печатались газе-ты, а санитарные рейсы вывозили больных. Так в нём зародилась меч-та о небе. Однако спустя годы отец

заявил, что желает видеть по-взрослевшего сына парикмахе-ром, потому что парикмахеры много зарабатывают. Но млад-ший Гайнутдинов поступил в индустриальный техникум на доменщика и одновременно стал посещать магнитогор-ский аэроклуб. Однажды в техникуме парень, который учил-

ся на металлурга, набывшись, пробасил Талгату: где-то они встречались.

– Я тоже его признал: он был из соседских, с которыми наш спецпосёлок постоянно дрался за право покататься на плотах, – вспоминает Талгат Шарифович. – Знал и то, что он прихрамывает, потому что в 12 лет попал под трамвай, что часто учителя выгоняют его с уроков, потому что здо-рово спорит с ними, доказывая своё. Но тогда и подумать не мог, что через много лет этот парень станет директором металлургического комбината. Его звали Иван Ромазан...

Окончив техникум и аэро-клуб, Талгат Шарифович риск-нул поступать в Централь-ную объединённую лётно-техническую школу в Саранске – удалось. Одним из тамошних преподавателей теории и тех-ники полёта был Дмитрий Боголюбов – сын попа, ко-торый обожал поэзию и не упу-скал возможности почитать «подопечным» что-нибудь из Пушкина, Ахматовой, Цветае-вой и, особенно, «опального хулигана Есенина». Через тридцать лет на встрече вы-пускников Боголюбов подарил Талгату толстенное собрание сочинений Александра Сергее-вича – издание 1937 года. До наших дней книга дошла по-трёпанной, разваливающейся по частям.

– Ох, сколько же людей пы-тались её умыкнуть... – при-помнил обладатель редкого фолианта, перелистывая стра-ницы. Хотя в таком состоянии книга не представляет уже ни-какой материальной ценности, Талгат Шарифович хранит его отдельно: этот Пушкин – ещё и память о друге-учителе.

Став лётчиком-инструк-тором, Гайнутдинов работал в родном аэроклубе: 45 кур-сантов получили его благо-словение. Сам же в 1959 году стал победителем первых

городских соревнований по пилотированию. А ещё через три года – первым мастером спорта Магнитки по высшему пилотажу.

В 1963 году Талгат Шари-фович поступил в высшую школу лётной подготовки в Кировограде на Украине, чтобы освоить управление АН-2. Затем по просьбе Героя Советского Союза Леонида Дёмы, который организовал в Магнитогорске эскадрилью, снова вернулся работать на малую родину. Но через не-сколько лет опять отправился в Кировоград учиться пилоти-ровать Ли-2. О географии своей лётной карьеры Гайнутдинов говорит так: «Не было совет-ского города, в котором бы я не приземлялся». Ленинград тоже вошёл в этот список. И там почитатель Александра Сергеевича «сразу нырнул» в Пушкинский дом – институт русской литературы Россий-ской академии наук – чтобы поглядеть с академиком Дми-трием Лихачёвым. Дмитрий Сергеевич доброжелательно относился к магнитогорскому пушкинисту: много рассказы-вал о поэте, однажды дал по-держать подлинные рукописи поэта – Гайнутдинов дрожал от волнения, ощущая шерохо-ватость «тех самых листов»; написал рекомендательное письмо директору Пушкин-ского музея-заповедника в селе Михайловское Сергею Гейченко.

– Мы как-то сразу сошлись с Лихачёвым, – вспоминает Талгат Шарифович. – У него тоненький, почти женский, голос, и я по-доброму смеялся, когда Лихачёв встречал меня словами «Талгатик прилетел!» Удивительного ума был чело-век! А вы знаете, что Пушкин мог бы стать отцом и в пятый

раз, но Натали так резво тан-цевала кадрили, что случился выкидыш. Дмитрий Сергеевич об этом рассказал. А Гейченко восстановил Михайловское после войны. Ведь село было перерыто нацистами, домик Арины Родионовны Яковле-вой сожгли, могилу Пушкина заминировали... Семён Сте-панович познакомил меня с ранней лирикой поэта – не зря Александра Сергеевича в лицее не только Обезьяной и Французом, но ещё и матер-щинником звали!

Прошли годы, и Гайнутди-нов оставил небо, хотя сидеть на пенсии не стал. Первый диплом позволил ему устро-иться мастером в кузнечно-прессовый цех на калибро-вочном заводе. И, конечно же, не охладела в нём любовь к Пушкину: к тому времени в «арсенале» Талгата Ша-рифовича скопилось немало литературоведческих заметок, и он публиковал их в магнито-горских и областных газетах. А вот теперь Гайнутдинов пишет только в стол:

– Георгий Тихонов и Жанна Илларионова ещё публикава-ли меня в «Магнитогорском рабочем», когда были там главными редакторами. Но пресса изменилась – актуаль-ные новости, слухи и сио-минутные события вышли на первый план. Говорят, что для газетного формата размыш-ления о Пушкине совсем не годятся. Одна надежда – на других пушкинистов: уж они-то сохраняют эти тетради после моей смерти... Теплится во мне и другая мечта: поставить многосерийный художествен-ный кинофильм об Александре Сергеевиче Пушкине. Ведь то, что снимали последнее время – обрывки из отрывков. Я бы начал повествование с рождения великого поэта. Сам бы написал сценарий, подо-брал актёров, причём не дутых знаменитостей, а из провинци-альных театров. Сам бы был режиссёром-постановщиком. И у меня бы получилось! Та-ких, кто прочувствовал Пуш-кина, как я, сейчас почти не сыщешь ☹

ФОТО: ДМИТРИЙ РУХЛАЧЕВ

Старость – это есть энергично стремящаяся к своему предмету существенная сила человека. Карл Маркс